

В.Д. Орлова
Тамбовский государственный
университет

АРМЕЙСКАЯ ТЕМАТИКА В РУССКОЙ ВЫТОВОЙ КУЛЬТУРЕ XIX – НАЧАЛА XX вв.

Отношение гражданского общества к армии проявляется по-разному. В том числе это присутствие или игнорирование среди вещей предметов, напоминающих невоенному человеку о парадах, сражениях и их участниках. Мы можем судить об этом по музейным коллекциям, портретам в интерьере, мемуарам, полиграфической продукции.

Русская традиционная крестьянская культура не была склонна к изображению военных сюжетов. Не знающая безделушек крестьянская среда до XVIII в. допускала сюжетные изображения в росписи сундуков, ларчиков, прялок, посуды. В основном это были вещи, которыми пользовались женщины. Ни солдат, ни сражений в этих рисунках не было. Бравый вояка не был идеалом, предметом воздыханий деревенской девушки. Мир детских игр тоже был далек от него. В народных деревянных и гончарных игрушках не было солдатиков. Игрушечное оружие для подвижных игр мальчиков долго оставалось верным луку со стрелами.

В городской среде постепенно формировалось иное отношение к армии. Цепочка нововведений выстраивалась по схеме «от дворца к хижине» и вполне соответствовала общеевропейским тенденциям. В XVII в. только при царском дворе появились костяные и металлические крепости-безделушки, игрушечное огнестрельное оружие. В 1690-е гг. нарисованные батальные сцены украсили стены дворца [1].

XVIII в. постепенно формировал у горожан отношение к армии, прежде всего, как к армии победы и парада. Устраивавшиеся на городских площа-

дях: строевые смотры собирали толпы зрителей. В картинах и потолочных плафонах в изящных стилях барокко и рококо развевались боевые знамена и клубы дыма над полями сражений, аллегорически изображалась победа. Парадный портрет в военном мундире стал неотъемлемым атрибутом портретных галерей в домах знати. На гравюрах и подражающих им лубках сражались и сухопутные армии, и корабли. Фарфоровые сервизы украшались лентами боевых орденов. В детских комнатах самых богатых домов появились привозимые из-за границы плоские силуэтные оловянные солдатки, фарфоровые заводные барабанщики и флейтисты, игрушечные военные барабаны, трубы, ружья. Комплекты солдатиков были лучше приспособлены для парадного построения, а не для сражения. Позы фигурок были статичными, их мундиры – парадными. Небогатые обыватели не хотели отставать от знати, и кустари быстро наладили производство дешевых картонных и деревянных солдатиков, часовых с будками, корабликов. Деревянные игрушки часто продавались нераскрашенными [2].

Вошедший в моду в конце XVIII века классицизм усилил героизацию военной истории и атрибутики. Сначала это были античные сюжеты, которым отводилось место только на мужской половине дворца. Апофеозом такого толкования стали «Залы Войны» и «Мира» во дворце в Павловске, сделанные архитектором В.Бренна и А.Н.Воронихиным [3]. «Зал Войны» вел в северную анфиладу с кабинетом хозяина, а «Зал Мира» – в южную, с будуаром хозяйки. Украшавшие залы аллегорические скульптурные композиции в античном вкусе отражали эту тематику.

Повороту массового сознания в сторону преклонения перед армией способствовала эпоха наполеоновских войн. После них высшее общество все еще предпочитало античные аллегории, заказывая фарфоровые и гипсовые медальоны, посуду, воспроизводившие серию медалей работы Ф.П.Толстого [4]. На них ополченцы 1812 г. изображались в античных драпировках, а аллегория Родины – в крестьянском кокошнике. Но простой горожанин предпочел более реалистичные рисунки на бумаге. Под влиянием гравюр в 1820-30-е гг. началось производство посуды, подносов, табакерок с портретами героев войны, боевыми эпизодами, пожаром Москвы [5]. Вазы античных форм с портретами Кутузова и генералов предназначались для убранства парадных залов и кабинетов богатых особняков. Это была некая русификация «Зала Войны». Но производившиеся весь XIX в. недорогие фаянсовые чашки и тарелки с изображениями воинов разных родов войск и подписями (улан, казак и т.п., а иногда и с указанием полка) были демократичнее [6]. Если же вспомнить, что выбором посуды никогда не занимались мужчины, то, очевидно, что к бравым воякам склонились сердца не только хозяек, но и кухарок.

Особенно многочисленными были делавшиеся по простейшим технологиям печатные рисунки на фаянсе. В качестве оригинала использовали

живописные произведения, а также выходявший в 1841-42 гг. труд Висковатого «Историческое описание одежды и вооружения российских войск». По бортику тарелки размещались военные атрибуты [7].

Следом появились фарфоровые безделушки, изображавшие военных или галантные сценки с ними. Эти сюжеты быстро были перенесены военных кустарями с аристократического фарфора на дерево. Более известные делавшиеся кустарями Сергиева Посада парные резные фигурки. Барышня изображалась в нарядном городском платье, а кавалер – в парадном мундире. Сергиево-Посадские «дамы и гусарь» не были совсем уж детской игрушкой. Скорее это была безделушка. Зато они превосходно украшали нехитрый интерьер комнаты, радуя хозяйку. Хотя резчики делали кавалеров в разных мундирах (улань, казаки), за этим типом игрушки прочно закрепилось название «дамы и гусарь» [8]. Среди сохранившихся в музеях фигурок гусары имеют явное численное превосходство, что косвенно могло отражать предпочтение покупателей этому роду войск, романтизированному литераторами.

Мир детских игр следовал за увлечениями взрослых. Солдатики не только меняли форму, но и принимали боевые позы. В конце XIX в. они стали объемными. Наборы дополнялись пушками, повозками, палатками для изображения боевого лагеря и сражения. Ярмарочным ходовым товаром стали расписные деревянные сабли, пушки, пистолеты, ружья. Но их роспись выполнялась в крестьянской декоративной традиции. С прялок, посуды и сундуков на деревянное оружие перешли яркие цветочки и орнаменты. Такие игрушки покупались для самых маленьких мальчиков.

Полиграфическая продукция первой откликалась на очередные военные кампании. Представляя собой далеко не шедевры, эти картинки украшали стены небогатых комнат, внутреннюю часть крышек сундуков и шкапулок. Например, русско-турецкая война 1877-78 гг. отразилась в многочисленных листах с портретом генерала Скобелева, фаянсовых кружках «голова турка» и детских неваляшках «турок», сделанных из папье-маше.

В эпоху историзма и модерна в конце XIX в. армейская тематика не обязательно отражала современные события. Былинными богатыри, воины всех времен и народов украшали чернильницы, пресс-папье, каминные часы, бювары, пепельницы и подстаканники [9]. Это могли быть шедевры работы лучших ювелиров и скульпторов или дешевые гипсовые и оловянные поделки. Но размеры «Зала Войны» к этому времени сошлись до размеров мужского письменного стола. Военным играм мальчиков большое значение придавали только в потомственных офицерских семьях. Например, А.А.Игнатьеву даже масть игрушечной лошади должна была напоминать полк, в котором он будет служить, став взрослым [10].

Благосклонное отношение мужчин ко всему военному умело использовали профессиональные нищие, рядившиеся в старую форму с орденской ленточкой. И бывший железнодорожный кондуктор просил: «Капитану,

отечества защитнику, на семи сражениях бывшему, победоносным российским воинством управлявшему, пожалуйте на штоф...» [11]. В случае, если потенциальным благодетелем могла стать женщина, нищий акцентировал внимание на якобы полученных на войне ранах, а деньги просил на лечение.

Интерес общества к армейской тематике отразился на появившихся в конце XIX в. почтовых открытках. Выбор для личной переписки картинок с воинами разных родов войск, боевыми кораблями, сценами сражений свидетельствовал об уважительном отношении к армии, интересе к военной истории. После начала I мировой войны появились рождественские и пасхальные открытки для воинов и их семей с сентиментальными или юмористическими сюжетами, по тиражам опередившие другие. На одной из них курочка несла корзинку крашеных яиц маршировавшему с винтовкой бравному петушку. Были открытки с надписью «Слава павшим» и «В память 2-й Отечественной войны» [12].

Об отношении к военной тематике можно судить и по популярному журналу «Нива». Из 52 номеров мирного 1913 г. в трех были фотографии новых памятников к столетию Отечественной войны, в одном – статья о М.И.Кутузове, в трех – парадные фотографии полков и артиллерийских стрельб, в одном – повесть о событиях балканской войны и в трех – репродукции с картин (П.Геллер «Враг близок», Р.Эйхштедт «Перед походом 1813 года», Э.Деталь «Сон») [13]. Таким образом, каждый пятый номер отдал дань армейской тематике. Но характер иллюстраций был или официально-парадным или сентиментальный. Особенно показательны репродукции с картин, которые подписчики могли вырезать для украшения комнат: дворянская семья, присевшая на дорожку перед оставлением дома в 1812 г.; венчание в войну молодого офицера, на котором заплаканная мать невесты одета во вдовый траур; грезящие о победной атаке спящие на земле солдаты. Не все их сюжеты русские. Такие картинки нравились женщинам. Они психологически схожи с сюжетами лаковых чайных коробок вроде «Проводов рекрута» [14]. Слезливая мелодрама этих рисунков напоминает некоторые «вечные» темы городских романсов. Например, трогательная драма во время любой войны драма невесты – потенциальной юной вдовы.

Взрослая девушка и женщина не должна была слишком хорошо разбираться в армейских темах. От нее ожидали эмоционального восприятия, прежде всего, людей в форме, а не их подвигов. Мемуаристки конца XIX в. с нежностью вспоминают своих тряпичных кукол-матросиков. А вот игрушечные сестры милосердия, встречающиеся на патриотических плакатах благотворительных кукольных базаров [15], не упоминаются в мемуарах и отсутствуют в музеях. Любимыми игрушками они не стали. Вполне вероятно, что в этой роли кукольная хозяйка выступала сама. Мир девичьих грез о душевно-военном в предметном воплощении обычно не нуждался. На обложках и страницах женских альбомчиков, крышках шкапулок для рукоделия и

украшений практически не встречались войны и битвы. Батальные полотна, гравюры, портреты военных на стенах комнат и в книгах воспринимались девушками иначе, чем их братьями. Такое эмоциональное отношение отражено в известном стихотворении М.Цветаевой «Генералам двенадцатого года» [16]. Несбывшиеся мечты юности взрослая хозяйка дома могла психологически как-то компенсировать покупкой тарелки с нарисованным уса-тым кавалеристом.

Так что и в начале XX в. мир вещей, окружавших на досуге горожани-на, мог составить условный «Зал Войны», а горожанку – «Зал Мира». При этом максимальная концентрация армейской атрибутики приходилась на детство. Позже она растворялась в окружении других сюжетов.

Примечания

1. *Забелин И.Е.* Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. М., 1990. С.287.
2. Русская игрушка. М., 1987. С.10.
3. *Зеленова А.И.* Дворец в Павловске. Л., 1986. С.37.
4. *Каменская М.* Воспоминания. М., 1991. С.26-27, 59; Русское художественное стекло XVII-XIX вв. М., б.г. С.4.
5. Фарфор из собрания Государственного Исторического Музея. М., б.г. С.22, 26; *Уханова И.* Лаковая живопись в России. СПб., 1995. С.80, 96, 103, 105, 106, 177; Русский фарфор. М., 1993. С.30, 38, 39.
6. *Бубнова Е.А.* Конаковский фаянс. М., 1978. С. 26.
7. Там же. С.29-30.
8. Русская народная игрушка. М., б.г. С.14; *Мамонтова Н.* Сергиевские дамы // Родина. 1999. № 10. С.107-109.
9. Изделия фирмы Фаберже. М., б.г. С.28; Подделочный камень в русском ювелирном искусстве. М., б.г. С.13; *Кириченко Е.И.* Русский стиль. М., 1997. С.211; Музей 10. Художественные собрания СССР. Сб. статей. М., 1989. С.65, 66, 67.
10. *Игнатьев А.А.* Пятьдесят лет в строю. М., 1986. С.18.
11. *Прыжов И.Г.* История нищенства, кабачества и кликушества на Руси. М., 1997. С.139.
12. *Чанкина М.* Художественная открытка. М., 1993. С.13, 15, 16, 68, 84, 148, 150-153, 156-158, 163, 168.
13. Нива. 1913. № 3, 16, 17, 25, 29, 31-33, 37, 39, 42.
14. Русские художественные лаки XVIII-XX вв. М., б.г. С.16.
15. Музей 10. С.121.
16. *Цветаева М.* Стихотворения. М., 1990. С.28.